

К.В. ЖИГАДЛО, Е.Р. ЗАБУГА*

**МАРСЕЛЬ ГОШЕ – СОЕДИНЯЯ НЕСОЕДИНИМОЕ:
УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ
В ПОНЯТИЯХ «ЛЕВЫЕ» И «ПРАВЫЕ»**

Рец. на кн.: Гоше М. Правые и левые: история и судьба / М. Гоше; пер. с фр. В. А. Мильчиной. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 144 с. (Серия «Интеллектуальная история»)

Для цитирования: Жигadlo К.В., Забуга Е.Р. Марсель Гоше – соединяя несоединимое: универсальное и контекстуальное в понятиях «левые» и «правые» (Рецензия) // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 269–278. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.13>

В недавно опубликованной в России книге «Правые и левые: история и судьбы» исследователя Марселя Гоше предпринята попытка анализа того, каким образом понятия «левые» и «правые» вошли в обиход сначала во Франции, а затем и во всем мире. Главная особенность этих понятий – бесконечная открытость к обогащению в зависимости от конкретного политического контекста. Более того, они позволяют индивиду, находящемуся в контексте современной политики, удовлетворить потребность в идентичности, выбирая одну из противоборствующих сторон. Книга особенно

* **Жигadlo Константин Викторович**, преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: kzhigadlo@hse.ru; **Забуга Евгений Романович**, приглашенный преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: ezabuga@hse.ru

интересна тем, что она снабжена дополнением, в котором автор стремится расширить свои выводы, исходя из политического контекста Европы середины 2010-х годов. В рамках рецензии проанализированы три ключевых этапа популяризации этих понятий от Французской революции до наших дней, а также предпринята попытка раскрыть в работе Гоше аспекты преемственности и возобновляемости понятий «левые» и «правые».

Книга французского интеллектуала и историка М. Гоше «Правые и левые: история и судьбы» впервые вышла в свет в 1993 г. Незадолго до этого распад СССР и коллапс коммунистического блока запустил радикальную трансформацию политического пространства. Традиционное разделение на левых и правых, приобретшее массовую популярность в XX в. в результате противостояния коммунистической и капиталистической систем, стало терять свою актуальность в 1990-е годы в связи с ослаблением идеологических конфронтаций в европейской и американской внутривнутриполитических сферах. В это время участились разговоры об устаревшем характере понятий «левые» и «правые» в контексте электоральных процессов, где, в соответствии с теорией ограниченной рациональности, борьба стала выстраиваться вокруг медийного избирателя, который стремится не соотносить свое мировоззрение с конкретной идеологией, а максимизировать выгоду. Кроме того, провозглашенная американским политологом Ф. Фукуямой идея «конца истории», ознаменовавшая новый виток распространения либерально-демократических ценностей в этот период, во многом обнуляла предшествовавшие идеологические баталии по поводу базовых ценностей. Однако усилившаяся в 2000–2010-е годы политической поляризации свидетельствует о реактуализации идеологического противостояния между левыми и правыми. Так, рост националистических и популистских тенденций в ряде государств, отстаивавших необходимость национальной идентичности и традиционной культуры в условиях глобализации и мультикультурализма, свидетельствует как минимум о преждевременности выводов Ф. Фукуямы.

Таким образом, формирование нового политического контекста в конце XX – начале XXI в. поставило перед исследователями задачу переосмысления традиционных подходов к определению политического спектра. В современной политической науке можно выделить два направления в изучении политических размежеваний. Первый – ситуативный подход, в рамках которого размежевание определяется политическим контекстом. Понятия

«левые» и «правые» в этом случае не несут позитивного содержания, а служат для определения того, каким образом происходит поляризация политических сил в конкретных условиях. Главная цель исследователя в рамках данного подхода состоит в том, чтобы максимально точно определить контекст политического размежевания. Второй подход – это попытка определить позитивное содержание понятий «левые» и «правые», найти в каждом из них некую идейную «константу» или ядро. С этой точки зрения в основе разделения лежат устойчивые критерии, поэтому понятия «левое» и «правое» несут в себе не только отпечаток политического контекста, но и постоянное идеологическое содержание [Larousse, 1981]. В целом можно утверждать, что второй подход представляет собой мейнстрим в современной западной политической науке, достаточно привести в пример популярное учебное пособие британского политолога Э. Хейвуда, который описывает размежевания левых и правых на примерах политических партий. Так, согласно приведенной типологии, к устойчивому набору левых ценностей относятся свобода, равенство, братство, права, прогресс, реформы и интернационализм, а к набору правых ценностей – власть, иерархия, порядок, обязанности, традиции, реакционность и национализм (речь идет не о конкретной стране, но об общем контексте) [Heywood, 2013].

Однако ни один из этих подходов не говорит о том, почему именно дихотомия левые / правые завоевала такую популярность не только в западной, но и в мировой политике. Исследование М. Гоше – это попытка понять, каким образом понятия «правые» и «левые» стали играть столь важную роль в мировой истории и ответить на два вопроса: во-первых, сохраняется ли актуальность этого разделения в современном мире, существенно отличающемся от того, в котором оно возникло, и, во-вторых, каким образом термины, связанные с сугубо специфическими чертами истории Франции, сумели войти в мировой язык и стать общими для самых разных политических контекстов (с. 93). В основе исследования лежит большой пласт источников, преимущественно относящихся к политической истории Франции: мемуары, публицистика (выпуски газеты, брошюры). На примере политической истории Франции (период с 1789 до 2017 г.) автор показывает, почему именно понятия «правые» и «левые», а не оппозиция либералы / консерваторы завоевала такую популярность.

Исследование Марселя Гоше можно разделить на три больших хронологических части. *Конец XVIII в. – первая половина XIX в.*

Этому этапу посвящены первая и вторая главы книги (с. 13–37). Впервые понятия «левые» и «правые» были использованы во время заседания Генеральных штатов в 1789 г. (с. 14). Как отмечает Гоше, контекст их употребления был связан с необходимостью определения позиции делегатов касательно совместного заседания трех сословий. Более того, это было не единичное размежевание между депутатами, расположившимися в разных частях зала Учредительного собрания, а депутаты различных созывов, которые регулярно выбирали противоположные стороны помещения, причем часто из нежелания оставаться в меньшинстве или находиться среди тех коллег, чьи взгляды были им неприятны. И раз за разом ситуация складывалась так, что слева садились «самые неистовые сторонники нововведений», а справа – «защитники Старого порядка» (по словам очевидца тех событий фейян Матье Дюма) (с. 20). Уже в конце лета 1789 г. очевидцы отмечали знаменательную роль тех, кто занял места в центре зала: сторонники конституционной монархии, так называемые Беспристрастные, они желали «всего, что происходит, но они хотели бы, чтобы все совершалось медленно и с меньшими потрясениями» (с. 21). Пространственная группировка депутатов по политическим предпочтениям сохранилась и во времена работы революционного Конвента. Традиция возобновилась и после реставрации Бурбонов, а также после установления Второй республики. Во время сессии французского парламента 1819–1820 гг. произошло окончательное закрепление деления на левых и правых, поскольку оно стало систематически упоминаться не только в личных переписках, но и в публицистике, и в прессе (с. 29). При этом важно отметить, что контекстуально данные понятия применялись преимущественно для описания парламентских дискуссий, а не собственной политической позиции конкретного актора. Так, на первом этапе распределение имело, в первую очередь, «географическую» окраску и служило для обозначения позиции акторов в политическом пространстве касательно конкретных проблем. Тогда оно еще не приобрело такой нормативной политической окраски, которая начала проявляться со временем. Однако стоит отметить, что автор с самого начала книги неоднократно упоминает о том, что сложившаяся в революционную эпоху оппозиция левые / правые практически сразу после ее возникновения стала подразумевать активное присутствие третьей стороны – центра, который, с одной стороны, не может существовать сам по себе без «правого» и «левого» полюсов, но, с другой стороны, претендует на преодоление этой оп-

позиции. Последнее свойство удачно выражено в приводимой М. Гоше цитате президента Французской Республики Валери Жискара д'Эстена: «Франция желает, чтобы ею управлял центр» (с. 9).

Тем не менее удобство использования данной дихотомии для обозначения позиции по конкретным проблемам в конкретной стране в конкретную эпоху ничего не говорит о том, почему именно понятия «левые» и «правые» стали столь массово и повсеместно использоваться в политическом лексиконе. *Именно с этим связан второй хронологический этап – середина XIX в. – XX в.* Этому периоду посвящены с третьей по пятую главы книги (стр. 37–93). Введение всеобщего избирательного права и становление массовой политики открыло новую веху в истории политического размежевания. Можно сказать, что человек из простого зрителя сам превращался в политического актора и своего рода аналитика, которому было необходимо формировать свое отношение к происходящему. Политический конфликт создавал предпосылки для воспроизводства разделения, причем чем радикальнее был конфликт, тем более очевидным становилось политическое разделение (с. 33). В условиях такого конфликта представлялось важным сделать выбор, который являлся своего рода актом политической самоидентификации индивида.

Таким образом, использование определений «левые» и «правые» решило сразу несколько проблем в контексте массовой политики, что определило популярность данной дихотомии. Во-первых, она упрощает ориентацию в политическом пространстве для избирателей, что крайне важно в условиях, когда у среднего избирателя нет возможности тратить много времени на изучение политических программ и позиций кандидатов. Во-вторых, в ситуации политического конфликта разделение позволяет консолидироваться с одним из противоборствующих лагерей, что хорошо заметно на примере консолидации правых и левых в период противостояния СССР и США (с. 49). В-третьих, она позволяет идентифицировать себя (или, иначе говоря, закрыть свою потребность в идентичности) на уровне идейного спектра без формальной принадлежности к конкретной политической силе (политической партии или движению).

Третий хронологический этап посвящен политическому размежеванию в новейшее время: *конец XX в. – наши дни*. Этот этап находит отражение в шестой главе, а также в заключении и в послесловии книги (с. 93–137). Формирование индустриального общества привело к изменению классического для XIX в. разделе-

ния. Радикальная трансформация политического пространства коснулась как левых, так и правых. Для левых эта трансформация оказалась связана с принятием невозможности полного освобождения индивида через построение бесклассового равного общества, которое было бы способно положить конец отчуждению труда. Тогда как для правых причиной трансформации стало падение главной угрозы в виде СССР, который «угрожал» свободному рынку и демократическим ценностям, что привело к утере объединяющего внешнего фактора (с. 112–113).

В такой ситуации мы снова возвращаемся к вопросу о смысле политического разделения и к поиску оптимального подхода к традиционной дихотомии. Постепенное укоренение разделения на левых и правых стало возможно с рационализацией политики. Современные общества перестают восприниматься как единое органическое целое, теперь это совокупность индивидов (или граждан), и в таких условиях осмысление нации как органического недифференцированного целого – это попытка навязывания иллюзии единства. В условиях политической эмансипации индивид должен определиться со своими предпочтениями, посмотреть на себя через дихотомию левые / правые. Такой выбор является, по сути, актом субъективации (неважно, политика, активиста или просто избирателя) (с. 103). Необходимость выбора в условиях рационализации политики напрямую связана с запросом на идентичность. Это особенно актуально в ситуации социального конфликта, что определяет популярность такого разделения: чем существеннее складывающаяся поляризация, тем выше необходимость объединения людей со схожими взглядами. Использование пары левые / правые позволяет переосмыслить требования единства политического тела нации как совокупности индивидов. Так, М. Гоше отмечает, что пара правые / левые позволяет мыслить нацию как единство противоположностей: «Дело в том, что благодаря другому аспекту телесности, каким является разделение тела на две симметричные половины, она позволяла провести символическую редукцию социального разлада к той дуальной неделимости, которая характеризует нашу индивидуальность» (с. 106). Эти идеи М. Гоше разделяются и другим философом, исследовавшим дихотомию правые / левые – итальянцу Н. Боббио. При этом М. Гоше в своей работе ссылается на итальянского политолога, критикуя его попытку четко определить смысловое ядро понятий, составляющих эту пару, в применении к политическим партиям: Н. Боббио предлагал рассматривать правых как условную «партию свободы», а

левых как условную «партию равенства» [Bobbio, 1996], но М. Гоше считает, что в то же самое время правых можно считать партией власти, а левых – партией, выступающей за индивидуальную эмансипацию и против социального принуждения. Важно отметить, что под партией власти в контексте рассуждений М. Гоше имеется в виду не партия, которая является лидирующей в данный момент времени, а партия, которая в принципе стремится поддерживать текущий status quo, отражая взгляды господствующего класса (в противовес левым ценностям социального равенства и индивидуализма). Схожую точку зрения, согласно которой правая идея трактуется как выражение интересов элиты или определенной властной группы, а левая – как оппозиция власти, отрицание легитимности существующего порядка и предложение политической альтернативы, востребованной низшими классами, в 2010-е годы разделяли и некоторые российские политологи [Афанасьев, 2011].

В заключительной части монографии М. Гоше содержатся интересные предпосылки для дальнейших исследований правого спектра. Автор вновь обращается к вопросу о том, могли ли перипетии французской истории выявить универсальное измерение современного политического опыта. М. Гоше отказывается от категорических выводов о том, как именно оппозиция правые / левые стала актуальной для других государств (например, Великобритании), отмечая, что для ответа на этот вопрос необходимо написать отдельную книгу (и, по-видимому, предлагая заняться этим уже другим исследователям). Вместо этого он выдвигает двойную гипотезу о причинах всемирного распространения этой оппозиции. Автор видит первую причину в том, что такая оппозиция позволяет акторам телесно идентифицировать себя с той общностью, к которой они принадлежат при этом сохраняя возможность выбора определенной стороны. Это становится особенно важным в условиях современного общества, которое, в отличие от своих предшествующих форм, больше не воспринимает себя как единое тело, что приводит к утрате органической символики, характерной для прошлых эпох. Вторая причина состоит в том, что любая политическая сила неизбежно сталкивается с внутренними противоречиями относительно того, как именно эти права следует обеспечивать. Деление на левых и правых позволяет «приглушить» эти противоречия внутри лагерей, открывая возможность для консолидации. И на пересечении этих двух тенденций – потребности индивидов в том, чтобы представлять собой образ социального, и возможности воплощать противоречия по поводу базовых для все-

го общества ценностей – располагается, согласно автору, глубинная причина популярности оппозиции левые / правые (с. 102).

Стоит отметить, что сформулированная автором гипотеза довольно громоздка; трудно представить, как она может быть проверена эмпирическим путем. В этой связи можно утверждать, что в работе М. Гоше его исследовательские тезисы все же недостаточно аргументированы, так как они не могут быть полноценно отнесены к каким-либо другим контекстам, кроме французского. Также остается непонятным, каким образом внутри каждого из полюсов этой оппозиции сформировались отдельные политические спектры. Так, например, на тот факт, что между различными левыми партиями никогда не было глубокого единства и что левые остаются левыми даже когда перестают быть оппозицией и становятся правящей партией, указывал еще в 1955 г. в своей программной работе «Опиум интеллектуалов» другой известный французский мыслитель Р. Арон [Арон, 2021]. То же самое применимо и к правым, и нельзя сказать, что с годами ситуация становится более ясной: почему, например, к правым могут относить себя одновременно либертарианцы, выступающие против государственной власти как таковой, и монархисты – приверженцы государственной власти в ее наиболее классической форме? Книга М. Гоше не дает ответов на эти вопросы ни применительно к французскому контексту, ни к мировому.

Тем не менее авторская характеристика оппозиции «левые / правые», представленная в конце шестой главы, кажется удачной: дихотомия «левые / правые» описывается как когнитивный инструмент, который воплощает символическую взаимосвязь индивидуального и коллективного и помогает примириться с конфликтным состоянием, навязываемым дуалистической структурой наших обществ (с. 117). Само это конфликтное состояние, исходя из всей предшествующей логики исторического описания М. Гоше, обусловлено разными онтологическими взглядами на природу человека и на то, какие условия лучше ей соответствуют: консервация наработанных порядков или постоянное движение вперед к прогрессу во всех сферах. Чуть раньше в тексте автор, ссылаясь на классическую работу П.-Ж. Прудона, сравнивает дихотомию правых и левых с борьбой между партией прошлого и партией будущего, а главное различие между ними определяет как раздел между любовью к устоявшейся традиции и надеждой на новое (с. 100). Такое обобщение видится убедительным, поскольку современный контекст политических размежеваний как минимум в странах

Европы и США, свидетельствует о наличии определенного стереотипа, в соответствии с которым левые всегда выступают за прогресс, а правые, условно говоря, – за возврат к прошлому.

Нужно отдать должное М. Гоше: несмотря на некоторую ограниченность, его работа хорошо раскрывает причины того, почему эта упрощенная бинарная дихотомия в принципе могла прижиться в любом политическом контексте. Способность двух простых понятий, относящихся одновременно к человеческой телесности и физическому пространству, а также помогающих гражданам современных государств удовлетворять когнитивную потребность в осознанном выборе политической позиции (с. 139), делает их гибкими и способными к обогащению. Это подтверждают разнообразные примеры из разных политических и временных контекстов. Такая гибкость позволяет каждый раз переосмысливать социальный конфликт, совмещая в себе как категорию возобновляемости этого разделения в политической истории, так и смысловую (сущностную) преемственность этих понятий в конъюнктуре. Поиск генезиса нормативного содержания этой дихотомии каждый раз подталкивает исследователей изменять и дорабатывать свои классификации, стремясь уловить содержание текущего политического момента. В частности, речь идет о Диаграмме Нолана, введенной американским политологом-либертарианцем Д. Ноланом в 1969 г. и представляющей собой тригонометр, в котором к левому и правому полюсам идеологических координат добавляются «либертарный» и «авторитарный» верх и низ. Также можно вспомнить предложенную российским политологом Б.Г. Капустиным в 1996 г. типологию идеологических парадигм в электоральной сфере Российской Федерации того времени, включавшую в себя такие четыре парадигмы, как «демократическая правая» (ДП), «авторитарная правая» (АП), «демократическая левая» (ДЛ) и «авторитарная левая» (АЛ) [Капустин, 2000]. Эти примеры помещают оппозицию правые / левые в новые, более сложные политические контексты XX в., чем тот, в котором она зародилась во Франции в XVIII в. Опыт последних лет, отмеченный существенным реваншем правых (республиканских) сил в США, представители которых, критикуя своих оппонентов-демократов, непременно называют их левыми, лишний раз свидетельствует о том, что актуальность этой некогда локальной и ситуативной оппозиции, на целые столетия ставшей общемировым политическим трендом, до сих пор не исчерпана. Однако ключевой вопрос в дискуссии о политическом размежевании остается прежним: можем ли мы приблизиться к

смысловому ядру этих понятий, найти *modus operandi* и поставить точку в этих дискуссиях, или же мы обречены и дальше ставить многозначительное многоточие в ожидании продолжения развития исторического процесса?

K.V. Zhigadlo, E.R. Zabuga*
**Marcel Gauchet – connecting the unconnected:
universal and contextual in terms of “left” and “right”
(Review)**

For citation: Zhigadlo K.V., Zabuga E.R. Marcel Gauchet – connecting the unconnected: universal and contextual in terms of “left” and “right”. *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 269–278. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.13>

References

- Aron R. *Opium of intellectuals*. Moscow: AST Publishing House, 2021, 448 p. (In Russ.)
- Afanas'yev M.N. Typology of Ideologies: The Right-wing Idea. *Social sciences and modernity*. 2011, N 4, P. 29–43. (In Russ.)
- Bobbio N. *Left and right: The significance of a political distinction*. Cambridge: Polity Press, 1996, 124 p.
- Gauchet M. *Right and left: History and fate*. M.: New Literary Review, 2024, 144 p. (In Russ.)
- Heywood A. *Politics (4th ed.)*. New York: Palgrave Macmillan, 2013, 496 p.
- Kapustin B.G. *Ideology and politics in post-communist Russia*. Moscow: URSS Editorial, 2000, 136 p. (In Russ.)
- Laponce J. A. *Left and right. The topography of political perceptions*. Toronto: University of Toronto Press, 1981, 292 p.

Литература на русском языке

- Арон Р. Опиум интеллектуалов / пер. с фр. Л. И. Боровиковой. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 448 с.
- Афанасьев М.Н. Типология идеологий: Правая идея // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 29–43.
- Гоше М. Правые и левые: история и судьба / пер. с фр. В.А. Мильчиной. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 144 с.
- Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 136 с.